

Люси Мод
Монтгомери

Зимние истории

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(71)
ББК 84(7Кан)-44
М77

Составитель Надежда Лисапова

Перевод с английского Ольги Полей

Иллюстрации Ирины Орловой

Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Монтгомери Л. М.

М77 Зимние истории : рассказы / Люси Мод Монтгомери ; пер. с англ. О. Полей. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-389-32064-2

Сборник рождественских рассказов Люси Мод Монтгомери, словно машина времени, переносит нас в мир, где главные ценности — широта души, тепло семейного очага и бескорыстная забота о близких. В этих историях, действие которых происходит в маленьких городках и на фермах Канады начала XX века, оживает та атмосфера доброты, которой сейчас так не хватает.

Вот многодетная семья Джозеф, которая, несмотря на скудные средства, с огромной любовью готовит друг для друга подарки, наполняя дом настоящим духом Рождества. А вот сирота Теодора из рассказа «Незнакомец на дороге», которая жертвует единственной реликвией — медальоном, чтобы подарить праздник кузенам, и ее поступок приводит к удивительным последствиям.

Эти рассказы всемирно известной канадской писательницы, написанные между 1899 и 1910 годом, помогают вспомнить о том, что истинное счастье — в возможности дарить любовь, радость и заботу тем, кто находится рядом с нами.

УДК 821.111(71)
ББК 84(7Кан)-44

© О. В. Полей, перевод, 2026

© И. В. Орлова, иллюстрации, 2026

© Серийное оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

© Издание на русском языке,
состав, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-32064-2

Красная комната

Хочешь послушать эту историю, внученька? Она очень грустная, и лучше бы ее забыть — да о ней и так-то уже мало кто помнит. У такого старинного рода, как наш, всегда есть свои грустные и страшные истории.

Но я обещала и должна сдержать слово. Так что садись вот тут, у меня в ногах, и положи свою светлую головку мне на колени, чтобы мне не видеть в детских глазах тени, которыми мой рассказ омрачит их чистую голубизну.

Это случилось, когда я была еще совсем маленькой, но запечатлелось все в моей памяти даже слишком хорошо. Помню, как я обрадовалась, когда мачеха моего отца, миссис Монтрессор — она не любила, когда ее называли бабушкой, ей ведь едва исполнилось пятьдесят и она все еще была

хороша собой, — написала моей матери, что та непременно должна отправить маленькую Беатрис в Монтрессор-Плейс на рождественские каникулы. И я поехала с радостью, хоть маме и горько было расставаться со мной. Ей некого было любить, кроме меня: мой отец, Конрад Монтрессор, пропал без вести в море всего через три месяца после их свадьбы.

Тетки часто говорили, что я похожа на него: «Монтрессор до мозга костей», как они выражались, и я принимала это как похвалу: Монтрессоры были семейством родовитым и почтенным, а их женщины всегда славились своей красотой. В этом сомневаться не приходилось: среди моих тетушек не было ни одной, которую не считали бы красавицей. Поэтому я старалась не слишком падать духом при мысли о моем смуглом лице и худом нескладном теле и надеялась, что, когда я вырасту, меня сочтут достойной продолжательницей рода.

Монтрессор-Плейс был старинным, таинственным домом, я обожала там бывать, и миссис Монтрессор всегда была ко мне добра, хотя и немного строга: она была женщина гордая и детей не очень-то жаловала, тем более что своих у нее никогда не было.

Зато в доме было много книг, над которыми мне позволялось сидеть сколько душе угодно —

никому не было дела до того, где я и чем занята, лишь бы не путалась под ногами, — и диковинные, потускневшие от времени семейные портреты на стенах, которые я разглядывала, пока не запомнила все эти гордые лица и не сочинила для каждого из них историю в своем воображении. Да, я любила фантазировать и вообще была старше и мудрее своих лет: без общества других детей трудно оставаться ребенком.

В поместье всегда жил кто-то из теток, и все они целовали и баловали меня в память об отце — своем любимом брате. Все мои тетушки — а всего их у меня было восемь — сделали, как говорили знающие люди, весьма удачные партии. Жили они неподалеку и часто заезжали попить чаю с миссис Монтрессор, которая всегда хорошо ладила с падчерицами, или помочь с подготовкой к какому-нибудь празднику: все они были превосходными хозяйками.

На Рождество вся семья собралась в Монтрессор-Плейс, и на меня обрушились самые неумеренные ласки. Правда, тетушки и присматривали за мной строже, чем миссис Монтрессор: следили, чтобы я не слишком зачитывалась сказками и не сидела за ними по вечерам дольше, чем пристало в мои лета.

Но не из-за сказок, не из-за конфет и даже не из-за тетушкиных нежностей я так радовалась, что

оказалась в то Рождество в Монтрессор-Плейс. Я никому об этом не говорила, но мне ужасно хотелось увидеть жену моего дяди Хью, о которой я слышала много разного — и хорошего, и дурного.

Дядя Хью, хоть и был старшим в семье, до тех пор еще ни разу не был женат, и теперь слухи о его молодой жене гудели по всей округе. Мне, правда, никак не удавалось послушать вволю: заметив мое присутствие, сплетницы тут же переключались на другие темы. Однако они недооценивали мою сообразительность: из их разговоров я все-таки услышала и поняла не так уж мало.

Так, я узнала, что ни надменная миссис Монтрессор, ни мои добрые тетушки, ни даже моя кроткая мать не одобрили поступка дяди Хью. Как я слышала, миссис Монтрессор сама выбрала для своего пасынка невесту — девушку из хорошей семьи и притом недурную собой, — однако дядя Хью не захотел брать ее в жены. Это миссис Монтрессор еще хоть и с трудом, но смогла бы простить, если бы дядя во время своего последнего плавания в Индию — а он часто отправлялся туда на собственных судах — не женился там и не привез домой жену-иностранку, о которой никто ничего не знал, кроме того, что красота ее ослепительна и что в жилах ее течет какая-то странная чужеземная кровь, совсем непохожая на голубую кровь Монтрессоров.

Одни только и говорили что о ее гордости и надменности и гадали, уступит ли миссис Монтрессор этой чужестранке свое господство без боя. Другие же, плененные ее очарованием и грацией, утверждали, что все эти рассказы — порождение зависти и злобы и что Алисия Монтрессор вполне достойна своего имени и положения.

Я не могла выбрать между этими двумя мнениями и решила составить свое суждение сама. Однако, когда я приехала в Монтрессор-Плейс, дядя Хью с женой были в отъезде, так что мне пришлось смириться с разочарованием и, призвав на помощь все свое невеликое терпение, ждать, когда они вернутся.

Зато тетушки и их мачеха много говорили об Алисии, притом в самом уничижительном тоне: называли ее «женщиной легкого поведения», утверждали, что из ее брака с дядей Хью ничего хорошего не выйдет и тому подобное. Говорили они и о той компании, которую она собрала вокруг себя, замечали, что люди в ней странные и совсем не ровня Монтрессорам. Я все это слышала и много об этом размышляла, хотя мои добрейшие тетушки пребывали в уверенности, что такая малютка не должна обращать никакого внимания на их перешептывания.

Если я не сидела с ними, помогая взбивать яйца и выковыривать косточки из изюма, пока взрос-

лые следили за тем, чтобы мне в рот попадало не больше одной изюминки из пяти, значит меня наверняка можно было найти в боковом холле, где я, уткнувшись в книгу, вздыхала о том, что мне больше не позволяют заходить в Красную комнату.

Боковой холл, полутемный и узкий, соединял главные комнаты особняка со старым крылом, выстроенным довольно причудливым образом. Свет в коридор проникал сквозь маленькие квадратные окошечки, а в конце его была невысокая лестница, которая и вела в Красную комнату.

Всякий раз, когда я бывала в этом особняке раньше — а это случалось нередко, — большую часть времени я проводила в этой самой Красной комнате. Тогда это была гостиная миссис Монтрессор, где та писала письма, проверяла домашние счета и куда иной раз приглашала какую-нибудь старую приятельницу на чашку чая. Комната была полутемная, с низким потолком, красными камчатными портьерами, причудливыми квадратными окнами под самым карнизом и темной деревянной обшивкой вдоль стен. Я ужасно любила тихонько сидеть там на красном диване и читать свои сказки или вести мечтательные беседы с ласточками, стремительно пролетавшими за маленькими окошками.

В это Рождество, отправляясь в Монтрессор-Плейс, я сразу же вспомнила о Красной комнате — ведь я так любила ее! Но не успела я пройти и нескольких шагов по холлу, как миссис Монтрессор торопливо догнала меня, схватила за руку и оттащила назад — так резко, словно я попыталась открыть дверь в комнату Синей Бороды.

Затем, увидев мое лицо — наверняка изумленное и перепуганное, — она словно бы раскаялась в своей грубоватой поспешности и ласково погладила меня по голове.

— Ну что ты, что ты, маленькая Беатрис! Я тебя напугала, да, детка? Ты уж прости старуху за такую оплошность. Но не стоит бежать так резво туда, куда тебя не приглашали, а в Красную комнату теперь ты и вовсе ни ногой: это комната жены твоего дяди Хью, а она, имей в виду, не слишком жалует незваных гостей.

Мне было очень горько слышать это, и я не могла понять, чем моей новоявленной тетушке помешает, если я буду заглядывать туда время от времени поболтать с ласточками, как привыкла, — я ведь не собиралась там ничего трогать! Но миссис Монтрессор зорко следила за тем, чтобы я не нарушала ее запрет, и мне пришлось искать себе другие занятия.

В них не было недостатка: в поместье происходило множество событий, то и дело кто-нибудь

приезжал и уезжал. Тетушки ни минуты не сидели без дела: на рождественской неделе предстояли большие торжества, а в канун Рождества — бал! И тетушки пообещали — правда, лишь после того, как я измучила их уговорами, — что в ту ночь мне можно будет допоздна не ложиться спать и любоваться на веселье, сколько захочется. Поэтому я безропотно выполняла все их поручения и каждый вечер ложилась в постель вовремя, без возражений — последнее, правда, в основном потому, что тетушки, думая, что я уже крепко сплю, усаживались у камина в моей спальне и вели разговоры об Алисии, не предназначавшиеся для моих ушей.

Наконец наступил день, в который ожидалось возвращение дяди Хью и его жены (надо сказать, к тому времени невеликие запасы моего терпения были уже почти на исходе), и мы все собрались встречать их в большом зале, где пылал жаркий огонь камина.

Тетя Фрэнсис надела на меня мое лучшее белое платье с пурпурным поясом, долго сетовала на мою тонкую шею и руки и наставляла вести себя прилично, как подобает хорошо воспитанной девочке. Я забилась в угол, и руки и ноги у меня были ледяными от волнения: казалось, что вся кровь до капли бросилась в голову, а сердце колотилось так сильно, что даже больно делалось.

Но вот дверь отворилась, и вошла Алисия — я привыкла к тому, что ее так называют, и сама мысленно никогда не называла ее тетей, — а чуть позади — мой высокий смуглый дядюшка.

Она гордой поступью приблизилась к камину и остановилась с величественным видом, распуская завязки плаща. Меня она поначалу вовсе не заметила, лишь кивнула — как мне показалось, с легким пренебрежением — миссис Монтрессор и моим тетушкам, которые стояли у двери гостиной неподвижно и молчаливо, как истинные леди.

Но я в тот миг ничего не видела и не слышала, кроме самой Алисии: когда она скинула свой пурпурный плащ и капюшон, ее внешность так поразила меня, что я совсем забыла о хороших манерах и уставилась на нее как зачарованная — да и вправду была зачарована. Никогда еще я не видела такой красоты и едва ли могла что-то подобное вообразить.

Хорошеньких женщин я видела немало — ведь и моих теток, и мать считали красавицами, — но дядина жена так же мало походила на них, как багряный закат на бледный лунный свет или алая роза на белые лилейники.

Не могу даже описать тебе словами, какой она предстала передо мной тогда в длинных языках огня, лизавших ее белую шею и пляшущих над густыми прядями ее рыжевато-золотистых волос.

Она была высокой — такой высокой, что мои тетки рядом с ней казались просто крошечными, а ведь они тоже были хорошего роста, как и все в их роду. Ни одна королева не могла бы держаться более величественно, и вся страсть и жар чувственной природы пылали в ее великолепных глазах — я даже не могла разглядеть, темные были эти глаза или светлые, но они всегда казались мне озерами теплого огня, то ласкового, то яростного.

Кожа у нее была как нежный лепесток белой розы, а когда она заговорила, я, глупенькая, сказала себе, что никогда раньше не слышала такой музыки; и не думаю, что когда-нибудь еще услышу голос столь сладкий, столь мелодичный, как тот, что струился с ее пухлых губ.

Я часто представляла себе эту первую встречу, рисуя ее в воображении то так, то этак, но никогда и не мечтала, что Алисия заговорит со мной. Поэтому для меня стало большой неожиданностью, когда она повернулась, протянула ко мне свои прекрасные руки и очень любезно сказала:

— А это маленькая Беатрис? Я много слышала о тебе... иди, поцелуй меня, дитя.

И я подошла, не обращая внимания на сурово нахмурившуюся тетю Элизабет: очарование красоты овладело мной, и я уже не удивлялась тому, что дядя Хью полюбил эту женщину.

Он не только любил, но и гордился ею; однако я, чуткая и проницательная, как все рано повзрослевшие дети, не столько видела, сколько чувствовала: в его лице, когда он смотрел на нее, было еще что-то, помимо гордости и любви, и в его поведении чувствовалось что-то, кроме беззаветной влюбленности, — словно бы некое скрытое недоверие.

И, хотя такая мысль и казалась мне предательской, у меня вовсе не создалось впечатления, что она сама так уж сильно любит своего мужа: она держалась с ним отчасти снисходительно, отчасти пренебрежительно. Но это не было заметно в ее присутствии, а вспоминалось лишь после, когда ее уже не было рядом.

Когда она ушла, стало пусто, и тогда я ускользнула в боковую галерею, села в одиночестве у окна и стала мечтать о ней. Алисия настолько заполняла мои мысли, что я нисколько не удивилась, подняв глаза и увидев, как она идет одна по галерее и ее светлая голова как будто сияет на фоне старинных темных стен.

Когда она остановилась возле меня и небрежно спросила, о чем это я замечталась, что сижу с таким серьезным лицом, я честно ответила, что замечталась о ней, — на что она рассмеялась, словно ей это доставило некоторое удовольствие.

— Это не стоит твоих размышлений, маленькая Беатрис, — сказала Алисия слегка насмешливо. — Лучше пойдем со мной, дитя, если хочешь: твои серьезные глаза мне чем-то приглянулись. Может быть, тепло твоей юной жизни растопит лед, сковывающий мое сердце с тех пор, как я оказалась среди этих холодных Монтрессоров.

И я пошла, хоть и не поняла, что она имела в виду: я была рада снова увидеть Красную комнату. Там Алисия усадила меня и попыталась завести со мной беседу, что ей удалось: надо сказать, застенчивостью я никогда не страдала. Она задавала много вопросов, в том числе, на мой взгляд, не очень-то уместных, но я все равно не могла на них ответить, так что вреда тут особого не было.

После этого я каждый день проводила какое-то время в Красной комнате с Алисией. И дядя Хью нередко туда заходил — он целовал Алисию и восхищался ее красотой, не обращая внимания на мое присутствие: ведь я была всего лишь ребенком.

Однако мне всегда казалось, что она скорее терпит его ласки, чем наслаждается ими, и неугасающее пламя в ее глазах сверкало порой так злое, что меня охватывал холодный ужас, и я вспоминала слова тети Элизабет — женщины острой на язык, хотя и добродушной, — что это странное создание еще навлечет на нас всех какую-то беду.

Тогда я старалась гнать прочь такие мысли и упрекала себя за недоверие к Алисии, которая была так добра ко мне.

Когда подошло время сочельника, в моей глупой голове день и ночь только и было мыслей что о бале. Однако меня постигло горькое разочарование: в тот день я проснулась совсем больной, с сильнейшей простудой. Хотя я держалась стойко, тети скоро обнаружили правду и, несмотря на все мои жалобные мольбы, уложили меня в постель, где я горько плакала, не поддаваясь ни на какие утешения. Я думала только об одном: что теперь не увижу всех этих красивых людей, а главное — Алисию.

Но, по крайней мере, от этого последнего разочарования я была избавлена: Алисия, зная о моей тоске, зашла ко мне вечером — она всегда потакала моим маленьким капризам. И, увидев ее, я забыла и о ломоте в руках и ногах, и о жаре, и даже о бале, который мне не суждено было увидеть. Никогда еще ни одно смертное создание не было так прекрасно, как она, стоявшая у моей постели!

На ней было белое платье, и я не могла подобрать для этой ткани другого сравнения, кроме лунного света, падающего на заиндевевшее стекло, а ее ослепительная грудь и руки были так обнажены, что мне делалось неловко при взгляде на них. Однако же нельзя было отрицать их уди-

вительной красоты — они сияли белизной, словно отполированный мрамор.

И вокруг ее белоснежной шеи и округлых рук, и в ее великолепных густых волосах сверкали и переливались камни, из глубины которых шел чистый свет: теперь я знаю, что это были бриллианты, а тогда не знала, потому что никогда еще не видела ничего подобного.

И я смотрела, упиваясь ее красотой, пока душа моя не наполнилась до краев, а она стояла, словно богиня перед своей поклонницей. Думаю, она читала мои мысли по лицу, и ей это нравилось — она ведь была женщина тщеславная, а для таких людей и ребячье восхищение сладко.

Затем она наклонилась ко мне, и ее великолепные глаза заглянули в мои, ослепленные ее блеском.

— Скажи мне, маленькая Беатрис — ведь говорят, что словам детей можно верить, — скажи, как на твой взгляд, я красива?

Я обрела голос и со всей искренностью ответила, что на мой взгляд она красивее, чем ангелы из снов, — ибо такова она и была. На это она улыбнулась так, словно я доставила ей большое удовольствие.

Затем вошел мой дядя Хью, и, хотя мне показалось, что лицо его потемнело при взгляде на обнаженное великолепие его жены, словно ему бы-

ло не по душе, что это зрелище будет услаждать глаза других мужчин, он все же поцеловал ее со всей нежной гордостью влюбленного, а она смотрела на него почти насмешливо.

Тогда дядя Хью сказал:

— Милая, не окажешь ли мне услугу?

— Посмотрим, — ответила она.

— Не танцуй сегодня с этим человеком, Алисия, — сказал он. — Я ему сильно не доверяю.

Это был скорее приказной тон мужа, чем мольба любовника. Алисия бросила на него довольно презрительный взгляд, но, когда увидела, как потемнело его лицо — ведь Монтрессоры не терпели ни малейшего пренебрежения к своей власти, как я не раз имела возможность убедиться, — она словно бы переменилась: на ее губах появилась улыбка, хотя глаза горели зловещим огнем.

Она обвила руками его шею, и — хотя мне показалось, что она его не то обнимает, не то душит, — голос ее был удивительно сладок и ласков, когда она шептала что-то ему на ухо.

Он рассмеялся, и брови у него разгладились, но проговорил все еще сурово:

— Не испытывай мое терпение, Алисия.

Затем они вышли — она немного впереди и с очень величественным видом.

После этого вошли мои тетушки, одетые очень красиво и скромно, но ни в какое сравнение с Али-

сией они в моих глазах идти не могли. Я была пленницей ее красоты, и страстное желание снова увидеть ее настолько овладело мной, что в конце концов я решилась на дерзкое ослушание.

Мне было строго велено оставаться в постели, но я встала и накинула халат. Я решила потихоньку сойти вниз, чтобы, если посчастливится, снова увидеть Алисию, а самой остаться незамеченной.

Но, дойдя до большого холла, я услышала приближающиеся шаги и, зная, что совесть у меня нечиста, шмыгнула в синюю гостиную и спряталась за занавесками, чтобы не попасться на глаза тетушкам.

Тут вошла Алисия, а с ней мужчина, которого я никогда раньше не видела. Но он сразу же напомнил мне тонкую черную змейку с блестящими злыми глазами, которую я видела в саду миссис Монтрессор позапрошлым летом — она меня тогда чуть не укусила. Садовник Джон убил ее, и теперь я всерьез подумала, что если у змеи была душа, то она, должно быть, вселилась в этого человека.

Алисия села, и он сел рядом с ней, обнял и стал целовать в лицо и в губы. Она не отстранялась от его объятий — напротив, улыбнулась и легким грациозным движением прильнула к нему. Все это время они разговаривали между собой на каком-то диковинном иностранном языке.

Я была еще ребенком и в своей невинности не имела понятия о чести и бесчестии. И все же мне казалось, что никто, кроме моего дяди Хью, не должен ее целовать, и с того самого часа я перестала доверять Алисии, хотя тогда еще не понимала того, что поняла позже.

Я наблюдала за ними — вовсе не думая, что подсматриваю, — и тут увидела, как лицо Алисии внезапно побледнело. Она выпрямилась и оттолкнула от себя руки любовника.

Проследив за ее виноватыми глазами, я перевела взгляд на дверь, где стоял мой дядя Хью, и вся гордость и страсть Монтрессоров так и горели на его хмуром челе. Однако он только молча шагнул вперед, когда Алисия и человек-змея разжали объятия и встали.

Прежде всего дядя Хью устремил взгляд не на провинившуюся жену, а на ее любовника и с силой ударил его по лицу. Тот, будучи в душе трусом, как и все негодяи, побелел и, пробормотав проклятие, выскользнул из комнаты. Его никто не удерживал.

Повернувшись к Алисии, дядя очень спокойно и грозно произнес:

— С этого часа ты мне больше не жена!

Что-то в его тоне говорило о том, что на его прощение и любовь ей уже никогда не приходится рассчитывать.

Литературно-художественное издание / Өдеби-көркем басылым

ЛЮСИ МОД МОНТГОМЕРИ ЗИМНИЕ ИСТОРИИ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Пётр Щёголев
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Антонина Семенова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 11.08.2026.
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 18,20. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака	ИНОСТРАНКА®
ИНОСТРАНКА®,	тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01,	Тел. (495) 933-76-01,
факс (495) 933-76-19	факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Малоохтинский пр-т, д. 68	195112, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Опечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Опечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

R-HDS-41354-01-R